

Написанию «Каллифена» предшествовал ряд смелых статей Фонвизина в «Собеседнике любителей Российского слова». В третьей части журнала за 1783 год он напечатал, вступив в полемику с самой императрицей, свои колкие «Вопросы». В «Челобитной российской Минерве» писатель обрушился на невежественных вельмож, а «Опыт российского сословника» наполнил политическими намеками. Гнев императрицы заставил Фонвизина замолкнуть, но через три года он вновь продолжил борьбу с самовластием, написав «Каллифена». «Греческая повесть» имеет русское содержание, в ней снова повторены страстные обличения, снова создана блестящая политическая сатира.¹⁹

Давая резкие характеристики самодержцу и его вельможам, автор в некоторых случаях повторял свои прежние высказывания. Так, создатель «Каллифена» смело осуждает Леонада — любимца правителя, который «умел овладеть совершенно душою монарха». Он «нагл», «им владели страсти высокомерные и алчность к обогащению». Именно о таких пороках любимца государя пишет Фонвизин в «Рассуждении о истребившейся в России всякой формы государственного правления»: «Если провидение допускает душою государя овладеть чудовищу... если он горд, нагл, коварен, алчен к обогащению».

Характеристика государева любимца, имеющаяся в «Каллифене» («Леонад не любил никого и никем любим не был, ибо тот, кто любит одного себя, не должен быть любимым от других»), повторяет суждения Д. И. Фонвизина, высказанные в «Недоросле». Стародум: Без знатных дел знатное состояние ничто. Софья: Конечно дядюшка. И такой знатный никого счастливым не делает, кроме себя одного. Стародум: Как! А разве тот счастлив, кто счастлив один? Софья: Вижу, какая разница казаться счастливым и быть действительно. Да мне непонятно, дядюшка, как можно человеку помнить одного себя».

В полном соответствии с художественной манерой Фонвизина дан в «Каллифене» также образ Скотазы, начальника обоза. Самое имя Скотазы знаменательно. В «Опыте российского сословника» Фонвизин писал: «Все то создание, которое имеет душу живую, называется животное. Следственно человек и скот под сие название подходят. Но если человек называется в добром смысле животным, то скотом иначе не именуется, как в дурном смысле, то есть, когда рассудок управляет им не больше, как скотом. Люди и скоты, составляющие род животных, имеют между собою ту разницу, что скот никогда человеком сделаться не может, но человек иногда добровольно становится скотом. „Человек в чести сый, не разуме; приложися скотом несмысленным и уподобися им“».²⁰

Скотаз в «Каллифене» — человек низкий и глупый до невероятности: «Верблюды, лошади, ослы составляли существо душевных его чувств». Кроме того, он действительно готов добровольно сделаться скотом.

«Хотя действие „Каллифена“, — замечал еще Н. С. Тихонравов, — происходит во времена Александра Македонского, но Скотаз на вопрос „Каллифена“ об его усердии к Леонаду отвечает: „Да для его высокопревосходительства я сам бы рад припречься“: понятно, каких придворных представляют спутники Александра».²¹ Скотаз в «Каллифене» был «из

¹⁹ Всецело присоединяюсь к мнению К. В. Пигарева, подчеркивающего политическую направленность повести «Каллифен» и полемизирующего по этому вопросу с П. Н. Берковым и Г. П. Макогоненко. См.: К. В. Пигарев. Творчество Фонвизина. М., 1954, стр. 235.

²⁰ Фонвизин, Сочинения, стр. 198.

²¹ Н. С. Тихонравов. Сочинения, т. III, ч. 1, М., 1898, стр. 127.